

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

ЧЕБОКСАРСКОГО ФИЛИАЛА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№1 2011

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ АРХИВНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В XVIII—XIX ВВ.

Ткаченко В.Г.

Контроль в сфере государственного управления – один из важнейших инструментов, обуславливающих дееспособность всего государственного механизма. К сожалению, проблемы контрольной деятельности в архивной сфере до сих пор относятся к разряду малоизученных. Между тем, они могли бы дать ключ к пониманию многих процессов в области государственного регулирования архивного дела в Российской империи.

Еще дореволюционные исследователи, занимавшиеся вопросами правового обеспечения функционирования архивов, придавали контролю особое значение, как фактору, влиявшему на развитие архивного дела в стране. Они, в частности, отмечали, что в XIX в. он приобрел неуправляемый характер и не отличался эффективностью. Так, А.Н. Львов указывал на недопустимость сложившейся к концу столетия в органах государственной власти практики полного смешения «начал и лиц действующих и контролирующих свою собственную деятельность» [1].

Первопричину такого положения дел Д.Я. Самоквасов усматривал в потере Сенатом статуса «высшего органа правительственной власти, стоявшего непосредственно у особы государя и от его имени направлявшего и контролировавшего деятельность всех столичных и провинциальных учреждений», и перераспределение части его полномочий между Государственным советом и Комитетом министров. В результате контроль архивной деятельности утратил свою действенность, а сенаторские и министерские ревизии местных учреждений, по мнению ученого, превратились «в малополезные прогулочные командировки», к тому же дорого обходившиеся казне [2]. Однако авторитетный специалист не только в области архивного дела, но и права, оставляет без внимания других субъектов контроля – начальников губерний, которым законодательно предписывалось проводить регулярные ревизии местных государственных учреждений, а также членов присутствия, обязанных ежегодно «свидетельствовать архивы» своих учреждений.

Критикуя организацию контроля в сфере архивного дела, оба автора не приводят каких-либо конкретных примеров, исходя, очевидно, из того, что они должны быть хорошо известны современникам. Собственно «архивное нестроение», так ярко описанное Д.Я. Самоквасовым, и должно было иллюстрировать его отсутствие. Однако отчаянное положение архивов было лишь следствием. Сама же система контроля, явно дававшая сбои, не изучалась и не анализировалась.

Формирование в XVIII в. принципиально новой по сравнению с предшествующим периодом системы контроля явилось закономерным процессом, обусловленным активным реформированием сферы управления государством. Потребности утверждавшегося в стране абсолютизма диктовали

Петру I необходимость строгой централизации и наращивания администрирования во всех сферах жизнедеятельности государства.

Кроме того, в реформаторских устремлениях царя отчетливо прослеживается идея формирования и развития центральных и местных органов власти с точно определенной и постоянной компетенцией, действующих не по усмотрению, а по общим правилам, указанным в соответствующих регламентах и инструкциях. Как справедливо отмечает А.Н. Медушевский, «качественно новыми чертами петровской и всей имперской административной системы по сравнению с приказной системой Московского государства стали – унификация, централизация и дифференциация функций аппарата управления» [3].

При этом, укрепление властных полномочий царя и реформа государственного управления не могли осуществляться без одновременного усиления контрольных функций. Один из авторитетнейших дореволюционных специалистов в области права, министр юстиции и генерал-прокурор Н.В. Муравьев отмечал: «Вводя новый строй суда и управления, Петр везде встречал на своем преобразовательном пути те же трудности, препятствия и недостатки, с которыми и до него тщетно боролось московское правительство: хищение должностных лиц, их нерадение и неразвитость, беспорядок в делах и всюду полное преобладание личных видов над государственным интересом. Для всякого проникнутого последним начинания эти характеристические свойства старой служилой среды были язвой, растлевающее значение которой портило исполнение лучших мыслей преобразователя и мешало стройному и дружному действию его учреждений. Нужно было неуспешно следить за их деятельностью и, раскрывая и карая ее уклонения, поддерживать ее именно в том направлении, которое имел в виду законодатель. А для этого и чтобы пресекать в самом зародыше всякое зло, грозившее успеху новых созданий его творческого гения, он должен был знать все, что в них делается, держать их под постоянным своим надзором» [4].

Для этого требовалась не только соответствующая специализация контрольных функций, но и создание принципиально новых контрольных органов, построенных на указанных выше принципах. Поэтому на смену прежней, раздробленной между отдельными приказами системе контроля Московского государства, призванной обеспечивать его финансово-экономические интересы, постепенно приходит новая – в лице высших органов власти с более четкими полномочиями и более широким кругом контролируемых сфер. Одновременно становятся более разнообразными формы и методы контроля.

Первым шагом в этом направлении, очевидно, следует считать учреждение в 1699 г. при Боярской думе Ближней канцелярии. Созданная с целью контроля за приходом и расходом денежных средств всех приказов (сюда еженедельно и ежегодно приказы представляли ведомости о своих доходах и расходах), она сначала становится местом заседаний членов Боярской думы (с 1704 г. – начальников приказов), а с 1708 г. – Консилии министров, где обсуждались различные вопросы управления государством. Причем в отсутствие Петра I последняя выполняла функции по управлению государством, в то время как Боярская дума перестала собираться [5].

Контролируя деятельность всех центральных учреждений в финансово-хозяйственной сфере, а также исполнение различных поручений Петра I, Ближняя канцелярия фактически положила начало надведомственному государственному контролю, который осуществлялся в то время на основе конкретных предписаний царя.

В дальнейшем этот вид контроля был унаследован Сенатом, возглавившим систему государственного управления и ставшим высшей инстанцией по отношению ко всем другим органам государственной власти. Высшие органы специальной компетенции (приказы, коллегии) и местные учреждения обязаны были представлять ему в определенные сроки свои отчетные ведомости [6].

«Учреждая сенат, – указывал А.Д. Градовский, – законодатель, конечно, хотел сосредоточить в нем верховный контроль всех государственных учреждений, но, имея правительственное назначение, сенат не имел административной организации. Составленный как судебное место, он не мог лично преследовать и обвинять. Для того, чтобы сделать его деятельным органом контроля, необходимо было еще учреждение с чисто личным характером, созданное для непрерывного надзора и преследования» [7].

В процессе административных преобразований мы видим, как царь-реформатор настойчиво ищет способы повышения эффективности контрольной деятельности. Тому были веские причины. По наблюдению, сделанному В.О. Ключевским, «непослушание чиновников предписаниям высшего начальства и даже царским указам стало при Петре I настоящей язвой управления, превосходящей даже смелость старых московских дьяков <...>. Не помогали ни штрафы, ни угрозы лишить чина и «весьма отставить», ни даже сослать на каторгу» [8]. Так, например, в именном указе от 16 февраля 1700 г. «Об отдаче под суд воевод за противузаконные поступки и самовольство» речь идет о привлечении к ответственности должностных лиц, совершающих противоправные действия при исполнении служебных обязанностей [9]. Именной указ от 15 февраля 1712 г. «О взыскании с губернаторов штрафа, если они, по трем сенатским указам, данных им предписаний не исполнят» предусматривает наказание для высших должностных лиц губерний в виде штрафа и ареста, «смотря по винам», за неисполнение предписаний верховной власти [10]. Именной указ от 23 октября 1713 г. «О доношении всяким людям о государственных интересах царскому величеству самому» [11], формально санкционируя и поощряя доноительство на преступников, во главу угла ставит защиту именно государственных интересов, что особо выделяет его в черед подобно рода документов.

Этот перечень, безусловно, не является исчерпывающим. Появление же перечисленных и подобных им документов свидетельствует о целенаправленном поиске инструментов контроля. На первых порах таковым, по выражению В.О. Ключевского, «вспомогательным орудием Сената» становится система фискалата. Начало ее формированию в лице особых централизованных органов надзора за правительственным аппаратом и чиновниками, было положено практически одновременно с созданием Сената. Именным указом Сенату от 5 марта 1711 г. «О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем Сенате, и о должности обер-фискала»

предписывалось: «Выбрать обер-фискала, человека умного и доброго (из какого чина ни есть); дела же его сии суть: должен он над всеми делами тайно надсматривать и проводывать про неправый суд, також в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то должен фискал позвать его пред Сенат (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать <...>. Також надлежит ему иметь несколько под собою провинциал фискалов, и у каждого дела по одному, которые еще под собою несколько нижних имеют, которые во всем имеют такую же силу и свободу, как и обер-фискал, кроме одного, что вышнего Судью или Генерального штаба на суд без обер-фискала позвать не могут. Також надлежит, о всех публичных и Генеральных указах из Сената, одному фискалу объявлять» [12].

В Указе от 17 марта 1714 г. «О должности фискалов» была законодательно оформлена система фискальных органов, включавшая обер-фискала, провинциал-фискалов и городских фискалов, а также определена их компетенция [13]. В духовном ведомстве роль фискалов с 1721 г. выполняли инквизиторы, назначавшиеся в епархии. Система фискалата охватывала практически всю страну. Всего же, по данным Н.П. Ерошкина, в стране было до пятисот фискалов [14]. Их основной обязанностью являлся тайный надзор, информирование верховной власти о незаконных действиях всех должностных лиц (прежде всего, о казнокрадстве и коррупции) и непосредственное обвинение последних в судебном органе. Путем негласного надзора и изучения канцелярского делопроизводства они следили, кроме всего прочего, за соблюдением законодательных и нормативно-правовых актов в государственных учреждениях.

Вторая контрольная система, введенная в России именованным указом Сенату от 12 января 1722 г. «Об обязанностях Сенатских Членов, о заседании Президентов Воинских коллегий, Иностранной и Берг-коллегий в Сенате, о бытии при Сенате Генерал и Обер-Прокурорам, Рекетмейстеру, Экзекутору и Герольдмейстеру, а в каждой Коллегии по Прокурору; о выборе Кандидатов к оным местам, и о чинении при сем выборе и баллотировании присяги по приложенной форме», представляла собой прокурорский надзор [15]. Его главной задачей было наблюдение за Сенатом и коллегиями, а также частично за губернским аппаратом – прокурорами при надворных судах, введенных именованным указом от 18 января 1722 года [16]. Этим же указом прокуратура была поставлена над фискальными органами [17].

Свое окончательное оформление как орган надзорного типа прокуратура получила в законе от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» [18]. Фактически она становится высшим органом управления общей компетенции. В соответствии с указанным документом прокуратура структурно состояла из генерал-прокурора, губернского прокурора и губернского стряпчего, прокурора и стряпчего при верхнем земском суде, прокурора и стряпчего при губернском магистрате, прокурора и стряпчего при верхней расправе, уездного стряпчего в уезде. В ст.404–410 главы XXVII «О прокурорской и стряпческой должности» регламентировался круг полномочий и порядок «определения на должность» указанных должностных лиц [19]. Так, например, губернский прокурор осуществлял общий надзор, а стряпчий – судебный. Особо следует подчеркнуть, что в компетенцию первого не во-

дило непосредственное устранение нарушений закона. Обо всех выявленных нарушениях законодательства и злоупотреблениях он должен был сообщать тому органу, который был правомочен устранить правонарушение, в частности, наместническому правлению и Генерал-прокурору. В последнем случае появлялась возможность использовать полномочия генерал-прокурора для устранения правонарушений в ситуациях, выходящих за пределы полномочий губернского прокурора.

Надзор прокурорских чиновников за нормативно-правовыми актами был нормативно закреплён в «Уставе благочиния» от 8 апреля 1782 года [20].

И фискалат, и прокуратура в определенной степени взаимно дополняли и уравновешивали друг друга. Так, доносы от фискалов поступали к прокурорам, которые должны были обеспечить их рассмотрение в надворных судах; прокуроры надзирали за деятельностью фискалов, а те, в свою очередь, могли доносить на них в случае волокиты по фискальским делам. Вместе с тем, эти системы контроля имели принципиальное различие. Если выявление совершенных преступлений осуществлялось фискалами, как правило, тайно, то деятельность прокуроров носила публичный характер и была направлена, прежде всего, на предупреждение правонарушений.

С созданием 8 февраля 1726 г. Верховного тайного совета и сокращением полномочий Сената (в частности, наименование Правительствующий было заменено на Высокий), система фискалата подверглась сокращению, а в 1729–1730 гг. и вовсе была ликвидирована. До этого, в 1727 г., прекратили свою деятельность инквизиторы духовного ведомства.

Петр I наметил еще один инструмент надзора за деятельностью местных органов управления, который выражался в форме ежегодных сенаторских ревизий. Так, в соответствии с указом «О ежегодном отправлении в губернии одного сенатора ревизором, о принесении на него жалоб Сенату, когда учинит он неправое по делу решение, или причинит кому несправедливость» от 4 апреля 1722 г. «для смотрения всяких дел в губерниях и провинциях, чтоб во всяких делах была правда» должны были посылаться специальные комиссии из представителей коллегий во главе с сенатором [21]. Хотя при Петре I этот закон не был реализован, именно сенаторские ревизии стали со временем одной из практических мер осуществления надведомственного контроля. Достаточно сказать, что в течение XIX в. было проведено более ста ревизий. Наибольшее их количество пришлось на первую половину века – более 80, а на вторую – менее 30 [22].

Административные реформы начала XIX в. внесли новые элементы в организацию контрольной деятельности. Как отмечает Б.Г. Литвак, «переход к министерской форме управления представлял собой дальнейший шаг в укреплении абсолютистских основ строя и вместе с тем модернизировал саму технику управления» [23].

В первую очередь это отразилось на контролирующих функциях верховной власти. В соответствии с повелением царя циркуляром Министерства внутренних дел от 8 октября 1827 г. была установлена обязательность представления губернаторами годовых отчетов, причем составляемых на основе требуемых императором ежегодных ревизий уездных присутственных мест.

В 1831 г. была утверждена разработанная МВД при консультации с другими министерствами форма «всеподданнейших донесений», которая после введения 28 декабря 1837 г. «общего губернского учреждения» получила название «годового отчета». В 1842 и 1853 гг. его текстовая часть была унифицирована. В седьмой раздел отчета «Местная администрация и судопроизводство» был включен подпункт «Архивы» [24]. Новый формуляр отчета 1870 г. предполагал отказ от прежней строгой регламентации текста. Однако нам не удалось вывить упоминаний об архивах в его обновленном виде.

Таким образом, МВД обеспечила императору весьма эффективный канал для получения сведений обо всем, что происходило в губерниях, в том числе и в архивной сфере. Причем надо иметь ввиду, что с первой половины 1830-х гг. начала складываться система статистических органов России – губернских статистических комитетов (ГСК) и областных статистических комитетов (ОСК), подчиненных Статистическому отделению Министерства внутренних дел. Необходимо отметить, что в краеведческой деятельности ГСК отчетливо прослеживается архивная составляющая. Особенно важным представляется тот факт, что изучение документов местных архивов, а главное – принятие мер по сохранению наиболее ценных документов, было закреплено за ними соответствующими нормативными актами. Так, циркуляром МВД № 127 от 23 июня 1866 г. «О разборке архивных дел Приказов общественного призрения» предписывалось списки дел, подлежащих уничтожению, передавать на предварительное рассмотрение статистических комитетов [25]. Циркуляром Центрального статистического комитета № 26 от 25 января 1867 г. «О принятии участия статистических комитетов при разборе архивов упраздняемых судебных мест» губернаторам, возглавлявшим местные комитеты, было предложено оказать содействие Министерству юстиции в этом вопросе и дать соответствующие указания членам ГСК [26]. Еще одним циркуляром МВД от 01 ноября 1867 г. за № 10241 «О порядке уничтожения ненужных архивных дел городских общественных учреждений» губернскому начальству предписывалось обеспечить представление в местные ГСК на предварительное рассмотрение «возможно подробные и обстоятельные описи этих дел». Причем необходимость этой процедуры в документе обосновывалась тем, что архивы указанных учреждений никогда не разбирались, а имеющиеся в них сведения не использовались для научных исследований [27].

Эти и другие аналогичные им документы позволяли МВД не только быть в курсе проблем архивного дела, но и доводить их до сведения царя.

Контрольная деятельность Сената получила достаточно подробное освещение в литературе, в том числе и дореволюционной. Однако ее архивная составляющая исследователями практически не рассматривается. Д.Я. Самоквасов, говоря об утрате Сенатом функций контроля в сфере архивного дела, не приводит каких-либо данных, указывающих на то, когда и каким образом они реализовывались.

В многотомном издании «История правительствующего Сената» эти вопросы также специально не рассматриваются. Однако это не означает, что архивы выпадали из поля зрения ревизоров. Так, прибыв в губернию, ревизующий сенатор начинал свою работу с ознакомления с ведением делопро-

изводства в губернских и уездных учреждениях [28]. Именно отсутствие организованной работы с документами порождало не только огромное количество злоупотреблений, но и значительное накопление «нерешенных дел и неисполненных бумаг, которые не записывались в реестры, а просто валялись в беспорядке на полках канцелярских шкафов или для очистки места сдавались в архивы» [29]. В этой связи проверяющие отмечали в своих отчетах многочисленные нарушения, в том числе «беспорядки по архиву и неосвидетельствование оного», множество документов и дел, заброшенных в чуланах и на чердаках местных учреждений [30].

Вместе с тем, нельзя отрицать того, что проведение ревизии столь высоким сановником в целом положительно влияло на деятельность провинциального чиновничества, побуждая его к активной работе. За относительно короткий срок ревизии иногда решалось больше дел и исполнялось больше документов, чем в обычное время. Вполне закономерно, что присутствие сенатора в губернии благотворно сказывалось и на качестве канцелярской работы [31], а значит и на общем состоянии архивов.

В XIX в. Казанская губерния оказалась в центре нескольких скандалов, связанных с сенаторскими ревизиями. Период с 1800 по 1831 гг. в Казанской губернии даже получил название «время административных беспорядков». В эти годы состоялось отрешение от должности трех губернаторов – П.П. Пущина в 1800 г., Б.А. Мансурова в 1804 г., И.А. Толстого в 1820 г. Еще один – Н.Я. Скарятин – был отдан под суд в 1880 году [32].

Особенно известной на всю Россию стала ревизия Казанской губернии 1819–1820 гг., произведенная сенаторами С.С. Кушниковым и П.Л. Санти. Ими «были вскрыты факты злоупотреблений должностных лиц всех звеньев местного управления, беспорядок в ведении дел, нарушения финансовой отчетности, прямые служебные преступления» [33]. Под следствием оказалось 822 государственных служащих, из которых «321 человек (24,6 %) относились непосредственно к чиновникам и служащим губернских и уездных учреждений» [34]. Весьма показательна оценка, данная губернии в 1830 г. исправляющим должность начальника I отделения V округа Корпуса жандармов капитана Иванова: «Казанская губерния так несчастлива чиновниками, которые думают не о пользе службы, но как бы извлечь свои выгоды» [35].

Симбирская губерния в этом смысле не была столь скандально знаменита. Однако и здесь деятельность местного чиновничества не была безупречной. В фонде Алатырского уездного суда удалось обнаружить документ, свидетельствующий о вопиющем неисполнении предписания проверяющего сенатора в части, касающейся архивной сферы. Так, в 1835 г. во время сенаторской ревизии в Симбирской губернии проводивший ее сенатор Л.А. Перовский (в 1841–1852 гг. – министр внутренних дел России) «лично заметить изволил неудобное помещение архива и предписал губернскому правлению принять средства к хранению дел». На момент проверки дела хранились в ветхих помещениях, принадлежавших казначейству. До этого они находились в бывшем здании присутственных мест, в котором в 1833 г. потолки и пол верхнего этажа от гнилости провалились, и архив оказался заваленным лесом, штукатуркою и землею с потолков [36]. В таком состоя-

нии под дождем и снегом он находился два года. Не исключено, что именно сенаторская ревизия заставила местное начальство перенести документы хоть в какое-то, пусть и непригодное, помещение. В противном случае они бы совсем погибли. Правда, после отъезда высокого ревизора понадобилось 10 лет для того, чтобы построить новое специальное помещение под архив! [37]

Особая роль в контрольной деятельности принадлежала прокуратуре. В соответствии с действующим законодательством ее представители обеспечивали надзор за деятельностью Сената, коллегий, судов, губернаторов и их канцелярий, других учреждений. По мере возложения на прокуратуру различных административных функций, она фактически стала и органом надзора, и органом государственного управления.

Выявленные нами архивные документы в определенной мере позволяют проследить участие представителей прокурорского надзора в деятельности по сохранению архивных документов. Так, в марте 1843 г. алатырскому уездному стряпчему было направлено поручение симбирского губернского прокурора о представлении в «самом непродолжительном времени» и «под опасением строгого взыскания» сведений о состоянии местных архивов по специальному вопроснику. В преамбуле документа говорилось: «Его сиятельство господин Министр юстиции из дел министерства заметил, что многие архивы подведомственных сему министерству мест находятся более или менее в неудовлетворительном положении, и что дела прежнего времени, уже предавшиеся тлению, заполняют архивы и затрудняют оные в помещении дел позднейших, также год от году увеличивающихся. Посему, признав необходимым для общих по сему предмету соображений, собрать полные и достоверные сведения о положении всех архивов вообще, его сиятельство поручил мне представить о каждом архиве ведомства Министерства юстиции в отдельности следующие сведения». Далее следуют 6 пунктов с вопросами, которые, по мнению их авторов, должны были помочь составить общую картину положения архивов [38].

Представители прокуратуры принимали непосредственное участие в решении вопросов об уничтожении документов, утративших свою практическую надобность. Для отбора и выделения к уничтожению дел в соответствии с действовавшим законодательством в государственных учреждениях Российской империи действовали специальные комиссии, которые стали создаваться в провинции примерно с середины XIX в. Сохранился ряд документов, отражающих деятельность таких комиссий на территории Чувашии. В одном из них указывается, что в состав комиссий «для разбора старых дел» в уездных городах кроме городничего, непременно члена земского суда, городского головы, назначался и уездный стряпчий [39].

Еще один документ иллюстрирует роль стряпчего в решении подобного рода вопросов. Так, 22 ноября 1854 г. в Чебоксарскую городскую думу поступил очередной указ из губернского правления, который предусматривал создание комиссии «для разборки старых архивных дел уездных присутственных мест Министерства внутренних дел». В ее состав должны были входить указанные выше городничий, непременно член земского суда, городской голова и уездный стряпчий, к которым добавлялся дворянский за-

седатель уездного суда. Комиссиям вменялось в обязанность «разобрать решенные дела <...> включительно до 1844 года» и представить описи в губернское правление. На обороте документа имеется копия решения городской думы по данному вопросу: «1854 года ноября 22 дня. Приказали: Указ этот принять к сведению и должному в свое время исполнению».

Очевидно, это поручение не было исполнено в срок. В завязавшей переписке о выполнении указания получили наглядное отражение некоторые аспекты организации подобной работы, а также нравы провинциального чиновничества. По прошествии полутора лет – 6 июня 1856 г. – канцелярия Казанского губернского правления направила в адрес чебоксарской уездной комиссии для разборки дел напоминание о необходимости исполнения указанного поручения. Несмотря на то, что речь в указе шла о рассмотрении дел уездных учреждений, член этой комиссии, старший непременный заседатель Чебоксарского земского суда А. Троцкий, 11 июня того же года почему-то переправил его для исполнения городскому голове, уведомив также городническое правление. Аналогичным образом поступает 14 июня другой член комиссии – уездный стряпчий. Лишь 3 июля городской голова дает соответствующее указание думе. Не позднее следующего дня последняя откликнулась на это свои решением: «Требуемые старшим непременным заседателем Троцким описи доставить к нему в непродолжительном времени». При этом никому не было дано каких-либо поручений.

В связи с задержкой ответа уездный стряпчий вынужден был 22 августа обратиться в городскую думу. В письме с пометкой «весьма нужное» указывалось: «Г. градский глава от 3-го июля сего года за № 17-м на предложение мое от 14-го июня за № 325-м меня уведомил, что [о] составлении описей делам градской думы за прежнее время предложено от него к исполнению оной думе. Вследствие чего предлагаю градской думе немедленно заняться этим делом потому собственно, что об этом строжайше предписано от губернского правления, и это делается по предписанию господина министра внутренних дел и вследствие высочайшей воли государя императора, следовательно, здесь никакой медленности допускаемо быть не должно, в противном случае виновные могут подвергнуться строжайшей ответственности, а легко может быть и то, что насчет виновных будет прислана от господина министра внутренних дел эстафета». На обороте документа имеется копия решения городской думы. В нем указывалось: «Уведомить г. уездного стряпчего, что опись делам сей думы за прежнее время составлена, которая и отослана г. старшему непременному заседателю Чебоксарского земского суда Троцкому при отношении от 21-го августа за № 661». Здесь же сделана отметка: «Исполнено 31 августа за № 676».

Казалось, проблема на этом исчерпана. Однако 13 декабря 1856 г. в уездную комиссию вновь поступает напоминание из канцелярии губернского правления за подписью вице-губернатора Андреева. Изготовленное типографским способом на трафаретном бланке, оно имело пометку «Второе поуждение». В документе указывалось: «В губернском правлении не получено ответного донесения комиссии на предписание от 20 августа 1856 г. за № 3007; почему я и предлагаю комиссии исполнить указ губерн[ского] правления от 15 ноября 1856 г. о представлении описи делам думы в семид[невный]

срок, со дня получения сего, и объяснить при том в донесении губернскому правлению о причине такой медленности». В тот же день Троицкий переправляет его городскому голове «для надлежащего по оному исполнению», а 14 декабря то же самое делает уездный стряпчий. Таким образом, по прошествии двух лет все вернулось к своей исходной точке. К сожалению, в деле отсутствуют документы, свидетельствующие о решении указанной проблемы или проливающие свет на причину возникшей волокиты. [40]

В связи с административными реформами начала XIX в. получила развитие еще одна форма контроля – ведомственная. В фондах Национального архива Республики Татарстан сохранились документы, отражающие контрольную деятельность министерств. Так, в апреле 1847 г. в Казанскую губернию «для обозрения присутственных мест» был направлен состоящий при Министерстве внутренних дел действительный статский советник В.А. Казадаев [41]. При этом обращает на себя внимание то, что еще до прибытия чиновника местным властям была направлена напечатанная типографским способом инструкция, которой он должен был руководствоваться при проверке [42].

В ходе ревизии уездных учреждений представителем министерства были в частности выявлены существенные упущения в деятельности Ядринского городнического правления, работа которого была практически парализована болезненным состоянием самого городничего, отсутствием письмоводителя и отлучкой писца [43].

Подобная же проверка была проведена в 1849 г. по линии Министерства юстиции действительным статским советником М.Г. Плисовым [44]. Проверяющим чиновником была выявлена утрата 20 дел (межевых книг и планов) в Чебоксарском уездном суде. Указом из Казанского губернского правления от 7 октября 1849 г. чебоксарскому городничему было поручено провести расследование по данному факту, что и было исполнено в феврале 1850 года [45].

Интересно также, что при обследовании суда М.Г. Плисов ссылается на недостатки в описании архивных дел, выявленные предыдущей ревизией тайного советника В.А. Шереметьева в 1844 году [46].

Особо следует подчеркнуть тот факт, что подобного рода проверки местных органов управления министерствами имели обратную связь, играющую, как известно, важную роль в контрольной деятельности. О ее наличии свидетельствует выявленный нами циркуляр Министерства юстиции от 2 мая 1847 г., рассылавшийся через губернских прокуроров в судебные учреждения. Направляя в местные суды первой и второй степени извлечение из правил о порядке хранения дел в присутственных местах и архивах, министр юстиции граф В.Н. Панин указал на побудительные мотивы предпринятых им мер – дошедшие «сведения, как от ревизоров, так и другими путями, о расстроеном положении архивов судебных мест». При этом причину сложившегося положения он видел не столько в недостаточности «преподанных способов», сколько в небрежности лиц, осуществляющих надзор за архивами [47].

Постановка делопроизводства и деятельность архивов в учреждениях уездных центров, в том числе и на территории Чувашии, контролировалась

также вышестоящими губернскими органами. Об этом свидетельствуют обнаруженные нами данные о проведенных лично казанскими губернаторами ревизиях присутственных мест уездных центров Казанской губернии, в том числе Цивильска, Чебоксар и Ядрина. По итогам каждой из них составлялся документ, содержащий довольно подробные сведения о ходе проверки и предписания по устранению выявленных недостатков, наказанию виновных лиц, а также о поощрении отличившихся чиновников. Хотя в настоящее время таких документов выявлено всего пять, анализ их текста позволяет утверждать, что поездки губернаторов с контрольными целями носили регулярный характер.

Следует также отметить и то, что почти все обнаруженные тексты отпечатаны типографским способом. Их тиражирование и массовую рассылку, очевидно, можно отнести к превентивным мерам контроля.

Первый и единственный рукописный документ датирован 20 августа 1856 года. Ревизию уездных присутственных мест Цивильска и Ядрина проводил военный губернатор И.А. Боратынский. Им, как и во всех последующих случаях, особое внимание было уделено вопросам делопроизводства. Судя по тексту «обозрения» проверка была проведена начальником губернии со знанием дела. На пяти листах документа содержится подробный перечень замеченных упущений, а также даны указания по их устранению [48].

Второй аналогичный документ относится к ноябрю 1859 года [49]. Ревизию проводил казанский военный губернатор, генерал-майор П.Ф. Козлянинов. В ходе инспекторской поездки он побывал, кроме прочих городов губернии, в Ядрине, Цивильске и Чебоксарах. Проверке подверглись местные уездные и земские суды, городнические правления, городские думы и магистраты. В центре внимания высокопоставленного контролера находились, прежде всего, вопросы о недоимках населения, пожарной безопасности и производства дел. К последнему был проявлен особый интерес, поэтому значительная часть документа посвящена именно организации делопроизводства.

Не остались без внимания и архивы. В целом во всех учреждениях названных городов их состояние было признано удовлетворительным. Так, в ядринском уездном суде П.Ф. Козлянинов констатирует наличие описей, алфавитов делам и, так называемых, «кардонок» – листов картона, которыми обкладывались связки дел в целях предохранения документов от внешнего воздействия [50]. Причем, проверяя в дальнейшем архивы всех присутственных мест, он неизменно отмечал отсутствие последних. Соответствующие замечания были сделаны в адрес Цивильского и Чебоксарского уездных судов, Чебоксарских городнического правления и городской думы. При этом губернатор обратил внимание на неисполнение соответствующего указания, данного в прошлом году [51].

Интересна его оценка деятельности Ядринского городнического правления. Сделав нелицеприятные замечания в адрес городничего по поводу «бестолковости и вообще беспорядков в делопроизводстве», а также недостаточного внимания с его стороны и со стороны городского головы к

устройству пожарной части, он делает весьма примечательное заключение: «Один лишь архив в порядке» [52].

Особо следует отметить распорядительную часть указанного документа, содержащую предложения губернатора и решение губернского правления по итогам проверки. Найденные нами материалы других ревизий в этой части уступают ему. Так, предложения П.Ф. Козлянинова состоят из 62 пунктов, в каждом из которых поименно называются отличившиеся и провинившиеся лица с указанием мер поощрения и наказания, а также даются поручения по устранению недостатков [53].

В числе отмеченных с положительной стороны, как, впрочем, и среди нерадивых чиновников, архивариусы не названы. Не указывается и архивная деятельность, как особое направление работы, заслуживающее внимания. Вместе с тем, постановка делопроизводства является едва ли не главным объектом внимания проверяющего, очевидно, как показатель эффективности исполнения обязанностей служащими. Именно за «быстрое течение дел», «успешность делопроизводства», «порядок в оном» и «весьма успешное течение дел» были поощрены: судья Дорогов, а также члены и секретарь Ядринского уездного суда; секретарь Ядринского сиротского суда; члены Ядринского городского магистрата и его секретарь; судья Архипов и члены Цивильского уездного суда; Цивильский земский исправник; исполняющий должность Цивильского городничего поручик Петров; письмоводитель Цивильского городнического правления Краснов; Цивильский градский голова, члены городской думы и секретарь; члены Цивильского городского магистрата и его секретарь; Чебоксарский градской голова, члены и секретарь городской думы; члены Чебоксарского городского магистрата и секретарь. В качестве мер поощрения применялись «изъявления благодарности, особенной благодарности, благодарности с припечатанием в ведомостях и, наконец, совершенная признательность также с припечатанием в ведомостях».

Нет необходимости доказывать, что хорошая организация делопроизводства обеспечивала порядок в архиве. Оперативность работы архива по предоставлению необходимых справок способствовала быстрому разрешению возникавших вопросов и, следовательно, эффективности функционирования учреждения в целом. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что обязанности по ведению архивов в местных управленческих структурах, как правило, возлагались на письмоводителей, а, значит, и архивная деятельность, и те, кто за нее отвечали, не могли остаться без внимания губернского начальства.

Список наказанных чиновников невелик. Главным образом им вменялись в вину беспорядки и медленность в делопроизводстве, а также упущения в организации работы по взиманию недоимок и пожарной безопасности. Особенно досталось ядринскому городничему Сергиевичу «за беспорядки в делопроизводстве, незаботливость о взыскании недоимок и об устройстве пожарной части», а также ядринскому градскому голове Крынецкому и членам градской думы, «за медленность в делопроизводстве, найденный в думе во всех частях беспорядок, за совершенную незаботливость о

взыскании недоимок прежних лет, текущих доходов на оброчные статьи и об устройстве пожарной части».

Меры взыскания, применявшиеся к чиновникам, были разнообразны: замечание, выговор, «строгий выговор со внесением в клигу», «удаление от должности», предупреждение о предании суду с увольнением со службы в случае повторения подобных беспорядков. Однако, несмотря на строгость некоторых из них, крайняя мера – увольнение со службы – была применена лишь в отношении письмоводителя Ядринского горюднического правления и секретаря Ядринской городской думы. Причем последнего чиновника уволили как неспособного.

В рассмотренном документе заслуживает внимания еще один аспект, который в известной степени можно рассматривать как гласность. Так, губернское правление вынесло решение о публикации в губернских ведомостях информации «об изъявлении признательности начальства и о замеченных при ревизии беспорядках и о сделанных за найденные упущения взысканиях», правда, без указания имен наказанных лиц. С точки зрения исправления недостатков и профилактики новых случаев особое значение имело и решение губернского правления о рассылке в виде циркуляра во все подведомственные присутственные места информации о результатах ревизии и принятых решениях.

Следующий выявленный нами документ относится к 1869 г. Он связан с поездкой казанского губернатора Н.Я. Скарятин в Козьмодемьянск, Ядрин, Цивильск и Чебоксары [54]. Как явствует из текста обзорной записки, предыдущая проверка была проведена им же в 1867 году.

Основное внимание в ходе ревизии было уделено ведению делопроизводства. При этом данных о состоянии архивного хранения документов в уездных присутственных местах в документе нет, за исключением архива Чебоксарской городской думы, который начальник губернии нашел «в крайне неприличном и жалком виде» [55]. Однако никаких распоряжений по этому поводу сделано не было.

Другой аналогичный документ, составленный по итогам ревизии присутственных мест Чебоксар, Цивильска и Козьмодемьянска в июне 1876 г., также свидетельствует о пристальном внимании губернатора именно к вопросам делопроизводства [56]. В части освещения архивной деятельности местных учреждений Чебоксар и Цивильска он ограничивается констатацией факта удовлетворительного состояния архивов уездных полицейских управлений и городских сиротских судов. Лишь в архиве сиротского суда Чебоксар им было отмечено отсутствие предусмотренного законодательством алфавита.

В июне 1878 г. Н.Я. Скарятин вновь побывал с ревизией в Чебоксарах, Цивильске, Козьмодемьянске и Ядрине [57]. Как и в предыдущих случаях, основная часть содержания документа посвящена вопросам организации делопроизводства. Во всех городах осматривавшиеся архивы присутствий были признаны в порядке. Однако от внимания губернского начальства не ускользнули и недостатки в организации работы с документами. Особое неудовольствие проверяющего вызвала ситуация в сиротском суде Чебоксар, делопроизводство которого, по его мнению, находилось «в жалком состоя-

нии». В связи с этим губернатор даже счел дальнейшую ревизию суда невозможной «без потери на то слишком многого и бесполезного времени» [58]. Очевидно, именно поэтому он не упоминает об архиве этого суда в своем обозрении.

К сожалению, мы не располагаем данными о подобных ревизиях в Симбирской губернии. Надо полагать, что практика их проведения была распространена и здесь. Однако, как известно, в 1864 г., по причине катастрофического по своим последствиям пожара в Симбирске, все дела губернских учреждений погибли.

Вместе с тем, об эффективности сенаторских, министерских и губернаторских проверок нужно судить с известной долей осторожности. Тому есть веские причины. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, им не всегда удавалось выявить нарушения, которые местные чиновники всячески пытались скрывать.

Причина же беспорядков в деятельности уездных органов власти и управления, на наш взгляд, кроется в отсутствии должного внутриучрежденческого контроля. Так, например, 14 февраля 1839 г. вступивший в должность Чебоксарского городского головы Егор Веретенников направил в адрес местного сиротского суда «предложение», в котором указывалось: «Сего февраля 7-го дня вступил я по выбору здешнего градского общества на должность градского главы, и при том по оному сиротскому суду заметил, что в оном нет законами положенного протоколиста из чиновников, но допущен к таковой должности членами онаго писец из мещан здешнего города Чебоксар Федор Распопин, которой весьма мало занимается течением дел по оному присутствию, да притом от беспечности своей часто и совсем не является к возложенным на него обязанностям, от чего по моему усмотрению во оном сиротском суде письменные дела и документы разложены по столу, на окошке, в шкафе и прочих местах без порядку, даже некоторые не подшиты в собрания как должно, и быть может от таковой небрежности есть по ним запустение с утратою документов притом же, как видно, и описи тем делам по сиротскому суду совсем не имеется <...>» [59].

Практически одновременно имел место еще один характерный эпизод, связанный с архивом Чебоксарской городской думы. Чебоксарский городничий уведомил 18 марта 1838 г. Казанское губернское правление о том, что бывшим «градскою головою купцом 3-й гильдии Винокуровым хранившиеся в архиве оной думы решенные дела в известность с учинением описи не приведены, и вместо его вновь поступившему купцу Киселеву не сданы». Как оказалось впоследствии, таких неописанных дел накопилось ни много ни мало – за 45 лет (с 1786 по 1831 гг.) [60]! Т.е. все это время контрольная деятельность в отношении архива городской думы либо не осуществлялась, либо носила формальный характер.

Еще более вопиющий случай имел место в 1855 г. в Алатыре. Так, члены присутствия Алатырского уездного суда, принимавшие участие в приеме-передаче дел архива, «нашли в подполе, в сенях и за тесом к стене архива брошенные туда разные дела и бумаги в большом количестве» [61]. Следствие по этому делу длилось три года, однако выяснить, кто и когда их туда припрятал, так и не удалось. Лишь в апреле 1858 г. суду были преданы

бывший архивариус Алатырских присутственных мест писец 2-го разряда Иван Утехин и его помощник писец 1-го разряда Петр Неронов с формулировкой «за утрату из архива разного рода дел и бумаг» [62].

Приведенные факты были бы вряд ли возможны при соблюдении членами присутствий местных органов власти и управления требований законодательства о ежегодном освидетельствовании архива.

Таким образом, на протяжении XVIII – XIX веков в России были созданы необходимые правовые и организационные предпосылки для осуществления контроля, в том числе и в сфере архивной деятельности. Он имел три уровня: надведомственный (император, Сенат, фискалат, прокуратура), ведомственный (коллегии, министерства, губернаторы, воеводы, капитан-исправники) и внутриучрежденческий (члены присутствия).

Механизм реализации контроля можно представить в следующем виде:

- 1) Император – в форме получения ежегодных губернаторских отчетов;
- 2) Сенат – в форме проведения сенаторских ревизий губерний;
- 3) Прокуратура – в форме постоянного гласного наблюдения за деятельностью присутственных мест с правом и обязанностью вынесения протеста в случае любого отступления от закона;
- 4) Министерство (ведомство) – в форме проведения ревизий в системе подведомственных учреждений;
- 5) Губернатор – в форме проведения ревизий губернских и уездных присутственных мест;
- 5) Члены присутствия – в форме предписанного законодательством ежегодного освидетельствования своего архива.

Однако при такой, казалось бы, всеохватывающей системе контроля нельзя не отметить один принципиально важный момент – все ее элементы практически никак не были взаимосвязаны друг с другом и фактически никем не координировались.

Так, император из направляемых ему отчетов губернаторов вполне мог получать объективную картину состояния архивов. Однако, все нарушения, выявлявшиеся начальником губернии в ходе проверок, о которых говорилось выше, в этот документ не попадали. Как правило, губернаторские отчеты в части, касающейся архивов, ограничивались фразой «Архив в порядке». Как справедливо отмечает Б.Г. Литвак, попытки сделать текстовую часть отчета единообразной после 1837 г. привели к тому, что она потеряла свою оригинальность и информационную ценность [63]. В 1912 г. Председатель Совета Министров В.Н. Коковцев вообще оценивал отчеты, как набор общих «умозаключений и теоретических построений» [64].

В XIX в. методы контроля архивов со стороны Сената носили больше чрезвычайный характер и осуществлялись в виде сенаторских ревизий. Приписываемая же ему Д.Я. Самоквасовым контролирующая роль в архивной сфере в XVIII в. представляется преувеличенной. Так, если его деятельность реально имела ключевое значение в «устройении» российских архивов, то почему, находясь в расцвете своего могущества, он не обеспечил реализацию положений Генерального регламента в части, касающейся создания

двух центральных архивов: «по всем делам всех коллегий» – при Коллегии иностранных дел и финансово-хозяйственного – при Ревизион-коллегии? Кроме того, в XVIII в. Сенату еще нечего было контролировать в архивной сфере, т.к. законодательство об архивах фактически не сформировалось. Когда же в XIX в. оно стало приобретать сколько-нибудь системный характер, контрольные возможности Сената значительно сузились.

Нельзя не отметить еще одну немаловажную деталь, которая привлекла внимание исследователей, изучавших организацию работы с документами в Сенате. Так, Л.В. Виноградовой было обращено внимание на циркуляр министерства юстиции от 25 августа 1863 г., в котором указывалось на сложность и нерациональность сенатского делопроизводства [65]. Опираясь на это наблюдение, Б.Г. Литвак делает вывод о невозможности «обеспечить оперативное государственное вмешательство и контроль за мобильными процессами развития экономики и внутренней жизни страны [66].

Существенным потенциалом для реализации контрольных функций изначально обладала система органов прокурорского надзора. Однако, отношение верховной власти к самой прокуратуре на протяжении XVIII – XIX вв. не отличалось последовательностью. Периоды наивысшего могущества генерал-прокуроров сменялись полным бездействием или существенным ослаблением контрольно-надзорных функций прокуратуры, пока, наконец, судебная реформа 1864 г. ни оставила за ней лишь дела судебного ведомства [67].

Характеризуя деятельность прокуратуры, Н.В. Муравьев писал: «<...> Законодательство очевидно не отдавало себе ясного отчета в том, чем в действительности должна и может сделаться прокуратура. В результате Свод законов дал пестрое собрание разнообразнейших постановлений о ней, относившихся к различным эпохам, изданных по разным отдельным поводам и причинам. От прокурорского надзора законы требовали почти невозможного, предоставляя ему вместе с тем весьма мало средств к исполнению. В этом и скрывалась его главнейшая практическая слабость, вследствие которой деятельность его всегда должна была стоять ниже поставленных ему задач, теряясь в их дробной многочисленности, сбивчивости и противоречиях» [68]. В результате, ни Петру I, ни его преемникам так и не удалось добиться выполнения законов в российском государстве с помощью механизмов надведомственного контроля.

При его осуществлении предпочтение отдавалось в большей степени внешней форме, чем внутреннему содержанию дела. Связано это было, очевидно с тем, что на протяжении рассматриваемого периода нормы и предписания относительно механизмов контроля не поспевали за постоянно усложнявшимся объектом контроля и поэтому не могли эффективно воздействовать на реальные процессы, в том числе в сфере управления архивным делом.

То же самое можно сказать и о ведомственной системе контроля. И деятельность министерств, и деятельность губернатора и членов присутствий в данном направлении, если и носила относительно систематический характер, то в этом случае решающую роль нередко играл и такой субъект

тивный фактор, как добросовестное выполнение чиновниками различных уровней предписываемых законодательством обязанностей.

Главным недостатком сложившейся системы контроля была ее неспособность предупреждать нарушение закона. Она лишь фиксировала его нарушения и злоупотребления чиновников. При этом не всегда наказание было неотвратимым, а имевшие место противоправные действия должностных лиц не всегда наказывались по всей строгости действовавшего в то время законодательства.

Список источников и литературы

1. Львов А.Н. Русское законодательство об архивах. М., 1900. С. 5–6.
2. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Книга вторая Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. М., 1902. С. 25.
3. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: «Текст», 1993. С.48.
4. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. М.: Университетская типография, 1889. С.245.
5. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 томах. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С.136–137.
6. Российское законодательство X – XX веков. В десяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1986. С.189.
7. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII стол. и генерал-прокуроры. СПб: Типография Ивана Бочкарева, 1866. С. 89.
8. Ключевский В.О. Указ. соч. С.162.
9. ПСЗ-И. Т.4. № 1760.
10. ПСЗ-И. Т.4. № 2483.
11. ПСЗ-И. Т.5. № 2726.
12. ПСЗ-И. Т.4. № 2331.
13. ПСЗ-И. Т.5. № 2786.
14. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1983. С. 93.
15. ПСЗ-И. Т.VI. № 3877.
16. ПСЗ-И. Т.VI. № 3880.
17. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. С.186.
18. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т.5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1987. С.170–295.
19. Там же. С.278–295.
20. Там же. С.324–387.
21. ПСЗ-И. Т.VI. № 3931.
22. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 3. Правительствующий Сенат в XIX столетии до реформ 60-х годов. СПб., 1911. С.631.
23. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Издательство «Наука», 1979. С.128.
24. Литвак Б.Г. Указ. соч. С.145–147.
25. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы. СПб., 1873. С.338–339.
26. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1867 и 1868 годы. СПб., 1874. С.11–12.
27. Там же. С.233–234.

28. История правительствующего Сената... С.637.
29. Там же. С.644–645.
30. Там же. С.646.
31. Там же. С.650.
32. Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 до образования Казанской губернии в 1798 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов управляющих Казанскою губерниею с 1708 года по 1908 г. включительно. Казань, 1908. С. 16–17.
33. Хайрутдинов Р.Р. Итоги сенаторской ревизии Казанской губернии 1819–1820 гг. // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 158.
34. Там же. С. 160.
35. Там же. С. 161.
36. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф.88. Оп. 1. Д. 3189. Л. 1 об.
37. Подробнее об этом см.: Ткаченко В.Г. Из истории организации хранения архивов в Чувашии (XVIII — первая половина XIX в.) // Отечественный архивы. 2005. № 6. С.30–39.
38. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.
39. Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1823. Л. 111–111 об.
40. Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 2197. Л. 11–24.
41. Казадаев Владимир Александрович (1808–1888), сын известного русского деятеля, сенатора и академика А.В. Казадаева. По завершении в 1833 г. военной карьеры он был определен в департамент особых поручений министерства внутренних дел, но из-за болезни вынужден был несколько раз оставлять службу. Во второй половине 1840-х годов В.А. Казадаев вновь служил в министерстве внутренних дел. В 1850-е годы был начальником Тульской, а затем Курской губернии.
42. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 565. Л. 1.
43. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 565. Л. 29.
44. Плисов Моисей Гордеевич (1783–1853) – ученый, государственный деятель, тайный советник, сенатор. Преподавал в Санкт-Петербурге в педагогическом институте и университете, занимал различные должности в министерствах финансов и государственных имуществ, Собственной его императорского величества канцелярии, возглавлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий, являлся обер-прокурором II отделения 3-го Департамента Сената. Отличался твердым и благородным характером, был в дружеских отношениях с К.Ф. Рылеевым. 27 января 1847 г. ему было поручено проведение ревизии судебных мест ведомства Министерства юстиции в Казанской, Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях.
45. Национальный архив Республики Татарстан. Ф.2. Оп.1. Д.1815. С.188–192.
46. Шереметьев Василий Александрович (1790–1862) – государственный деятель, тайный советник, член Государственного совета. Служебную карьеру начинал в качестве военного, но был вынужден оставить службу по болезни. Являлся орловским губернским предводителем дворянства, занимал должности харьковского, черниговского и петербургского губернаторов, исполнял обязанности министра юстиции, был членом комиссии прошений на имя царя, почетным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета. По поручению царя осуществлял ревизию судебных мест в ряде губерний.
47. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 123. Оп. 1. Д. 25. Л. 360–362.
48. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1216. Л.3, 11–15.
49. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1871. Л. 68–95, 111–122 об.
50. Там же. Л. 117.

51. Там же. Л. 117 об., 118 об.
52. Там же. Л. 117 об.
53. Там же. Л. 120 об.–122 об.
54. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф.166. Оп. 1. Д. 55. Л. 70–76.
55. Там же. Л. 75 об.
56. Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 49. Л. 27–31.
57. Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 246. Л. 28–35.
58. Там же. Л. 31.
59. Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 356 а. Л. 1–1 об.
60. Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1098. Л. 1.
61. Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3189. Л. 92 об.
62. Подробнее об этом см.: Ткаченко В.Г. К вопросу о деятельности чиновников местных государственных учреждений в области архивного дела на территории Чувашии в XIX в. // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2005. № 3. С.59–71.
63. Литвак Б.Г. Указ соч. С.150.
64. Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964. С.235.
65. Виноградова Л.В. Основные виды документов Сената и организация его делопроизводства / Л.В. Виноградова // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Л., 1967. С.111–132.
66. Литвак Б.Г. Указ соч. С.130.
67. Российское законодательство X – XX веков. Т.8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991. С.46.
68. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Н.В. Муравьев. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. М.: Университетская типография, 1889. С. 360.

Ткаченко Владимир Глебович – окончил Московский государственный историко-архивный институт, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Почетный архивист России.
